

«Как слово наше отзовется...»

Елена СУББОТЕНКО

1968. Моему Ленинграду
Этот город, так властно
сдержанный,
Не забыть и не описать.
Он монархией не поверженный
Надо мною царит опять.

Нераскрытые тайны зодчества
Целомудренны и чисты.
В час рассветный Его Высочеству
В пояс кланяются мосты.

Здесь острее, ясней, свободнее
Проявляется жизни суть.
Все наносное, прошлогоднее
Невский ветер способен слуть.

Мой маршрут утверждён
усталостью,
Время выкроено из сна.
Постоянство — за самой
малостью:
Лишь бы цель не была ясна.

1968-69. Солёная песня
За сколько лет, за сколько зим
Нам это не испытать...
Пойдем за солью в магазин,
Чтоб ровно пуд купить.

Чтоб не корили ни за что,
Чтоб все по чести честь.
Пуд соли выложим на стол
И будем долго есть.

Мы обо всем поговорим
И все переживём,
И столько раз перегорим,
Покуда соль жуём.
И будет лёд, и зной, и грязь,
И будет трудно нам,
Но пересолов не боясь,
Мы всё возьмём сполна.

Мы наломаем кучу дров,
Но вспыхнет наш очаг,
Един и прочен станет кров,
А прочее — пустяк.

Константин АНСИМОВ
Тамплиер
Тамплиера смерть забрала,
Невзирая на забрало.
Была крепкой сталь доспеха,
Но горбатой — не помеха.

**Литературное объединение
в ЛЭТИ существует уже
более полувека. Всё это
время у «содружества
физиков и лириков» было
много поклонников, а само
оно породило много ярких
талантов. Сегодня мы
представляем нашим
читателям творчество
самодельных авторов
— прозаиков и поэтов,
студентов и выпускников
ЛЭТИ разных лет.**

Нет теперь защиты веры
От проклятой злой химеры.
Страшновато пилигриму —
На пути к Иерусалиму.
Но придет на смену новый
Смелый, сильный, безголовый
Тамплиер, готовый биться.
Вот такое часто снится...

Дарья БЕРТОВА
Обречена
Обречена на счастье,
Чтоб не зря
Перестрадать, перебороть
Невзгоды,
Чтоб каждое ненастье декабря
Пережить
До теплоты погоды!
Обречена на веру,
Чтобы ждать
Совсем не так невыразимо
страшно;
И жизни перемену
Принимать,
Легко забыв про день вчерашний!

Дорога в детство
Найти бы мне средство,
Вернуть моё детство:
С его мечтами,
Цветными снами...
Мир был загадкой —
Конфетой сладкой!
А что осталось?
Одна усталость...
И всё известно —

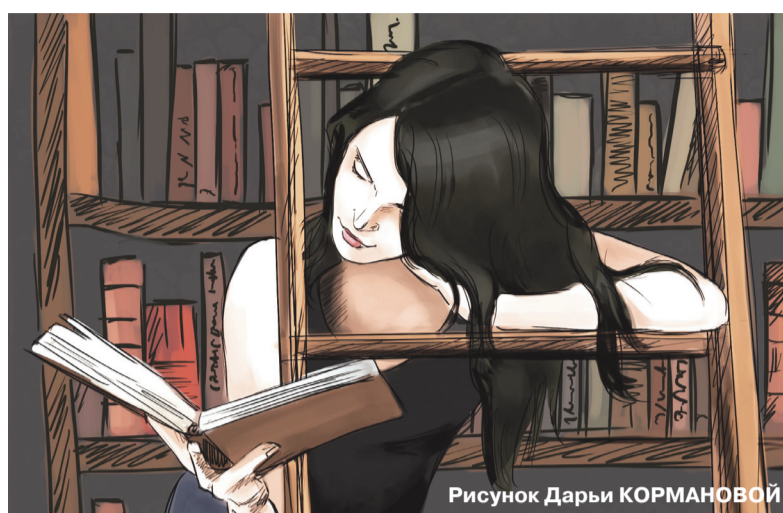

Рисунок Дарьи КОРМАНОВОЙ

Так безнадежно!
Всё стало пресно,
И жить тревожно...
Нет той свободы
Надежд, фантазий...
Вокруг заботы —
Однообразий...
Я вновь на старте!
И нужно средство —
Найти на карте
Дорогу в детство!

Надежда БАРАНОВА
Прогулка
С Вами гуляю чинно,
С Вами опять на Вы
И не ищу причину,
И не прошу любви.
Наш разговор случаен,
Наш разговор жесток.
Вам я всегда прошая
Паузы между строк.

Вряд ли мы станем ближе,
Вряд ли скользнет рука...
Чижик, который Пыжик,
Мелочь из кошелька...

Мне снятся белые подсолнухи
И серебристые сады,
И ветерок слегка подсолненный,
И вкус фиалковой воды.

Где карамельными потоками,
Неторопливо-горячо

Ложится лето одинокое
На чьё-то бледное плечо.

Ксения БУРЖСКАЯ

Имя твое впечаталось в губы
Фатально.
Шепчу его даже во сне —
В два удара по нёбу.
Сжимаю и пальцы, и зубы,
Чтобы не плакать.
Когда ты — навстречу,
Сердце ломает рёбра.
Но чувствую прочно:
Я не имею права
Врываться в твоё сознание.
В кожу. В график.
Как только признаюсь —
Ты подарешь мне барабан,
Чтобы я колонну возглавила
Идущих «на фиг».

Татьяна ЛАПИНА
Картина
Нарисуй картину —
Чтобы пахло морозом,

Чтобы кололись иголки
Синих еловых лап.
Нарисуй картину,
Чтобы небо беззвездное
Осветилось тысячью
Маленьких ламп.
Нарисуй картину —
Чтобы в синий вечер
Затаили дыхание
Двое в трепетный час.
Нарисуй картину,
Чтобы верилось в вечность,
Чтобы знать, что счастье —
Это сейчас.

Татьяна ЗАХАРЧЕНКО
ЛЭТИ
Там, где ветер на Карповке
встречный,
Мне так весело снова идти.
Я опять молодой и беспечный,
И опять я шагаю в ЛЭТИ
Там, где бродит технический
гений,
Где науки высокий полёт,
Черода молодых поколений
Рвётся творческой мыслью
вперёд.
Там, во мраке пустых
коридоров
Ночью ходит профессор Попов,
Отголоскам студенческих споров
Он внимает с улыбкой, без слов.

Теорвер изучая и ТОЭ,
Напрягая и зренье, и слух,
Мы росли, узнавая ТАКОЕ,
Что возвысились разум и дух.

Там, где юность моя пролетела,
Снова молодость чья-то летит,
Потому что — хорошее дело,
Если жизнь начинаешь с ЛЭТИ!

Впусти меня!

Елена КАЧАРОВСКАЯ

— Впусти меня, пожалуйста, впусти меня!!! Видишь, я уже полчаса бьюсь у твоей двери. Я сегодня буду хорошей девочкой, и завтра тоже. Как ты можешь меня не впустить! А-ааааа! Пусть все соседи услышат меня, и тебе станет стыдно.
Опять она пришла. Стоит — орёт. Что делать-то? Милицию вызвать? Спасателей, чтобы меня от неё спасти? Жалко дурёху. «Скорая» тоже не поможет. Соседи и так вчера на меня косились. Если не открою, они кого-нибудь вызовут.
— Эй, ты, заходи. Хватит надрываться.
— А ты кто такой? Что здесь забыл? Уходи отсюда немедленно. Где он? Где? Не прятаясь. От меня не спрячешься. Я очень хорошая, пока тебя не отыщу.
Какая же она худая. Один остов, а кормы нет. Обтрёпаннные джинсы сползают с бедер. Остроносая, с подростковой стрижкой, непонятного возраста, суетится, бегаеет по квартире, озирается. Глаза ускользающие, тёмные — не смотрят, а плавают по лицу. Вряд ли она меня видит. Полезла под диван.
— Эй, ты. Вставай. Кого ищем? Помочь? Хочешь горячего чаю?
Молчит. Вздрагивает. Села на пол, голову уткнула между коленок. Дурацкая ситуация. По телевизору крутят сюжет о бездомных детях. Дети вповалку спят у трубы с горячей водой. У некоторых совсем взрослые, испытанные лица. У этой девчонки

тоже взрослое лицо. Но не испитое, а больное и измученное. Господи, да она ж уснула. И тихонько то ли шепчет, то ли пошептывает во сне.
Звонок в дверь. На пороге соседка — старушка любопытствует:
— Впустил эту... что ли?
— Впустил.
— Гони её. Она ненормальная. Поговаривают, что жила она тут пару лет назад с одним уголовником, да только его то ли прирезали, то ли застрелили. А эту квартиру вечно кому ни попадая сдают. А она всё ходит, ищет его. Никто из жильцов её не выпускает. Ты один — такой смелый. Она — шизофреничка. Приступи раз в три месяца. И ходит сюда, и ходит. А после её визитов то канализацию прорвёт, то божм в парадной помрёт, а то по ночам в трубе выть начинает.
— Я разберусь, а вы идите. Всё будет хорошо.
Поджала губы, ушла. В коридоре остался сыроватый стариковский запах. Непонятно, почему соседская старость пахнет сыростью. Старушке тоскливо, живет с таким же дряхлым котом, поговорить не с кем. А тут — какое-никакое событие.
Позвонила Катя:
— Гостей принимаешь? — кокетливо в трубку.
Скептически посмотрел на пол.
— Сегодня, к сожалению, нет. У меня не

приёмный день. Болею.
— Болей-болею. Знаю я. Как ты болеешь и с кем.
Трубку бросила. Вот ведь дура. Обижается и ревнует. К кому?
Попытался поднять с пола девчонку и уложить на диван. Она с закрытыми глазами больно вцепилась зубами мне в руку. И тут же распласталась по полу и засопела.
Когда я был маленьким, у меня в трёхлитровой банке жил хомячок Фома. Гости: взрослые и дети, развлекаясь, пытались засунуть в банку руку и поймать Фомку. А я, когда приходили гости, накрывал банку газетой, отчётливо представляя, что чувствует крошечный хомячок, когда огромная рука, словно ковш экскаватора, старается тебя схватить и смять. Хомячок огрызался и кусал руки гостей. А те почему-то злились.
Потом умерла моя бабушка. А я даже не понимал, что бабушка умерла и почему она не приходит целовать меня на ночь, и никто больше не называет меня «мой утёнок». От неё всегда пахло едой и болгарским розовым маслом, но никогда не пахло стариковской сыростью.
Я, конечно, скучал по бабушке, но совсем не плакал, когда её не стало. Первое невыносимое чувство потери и горя настигло меня, когда вскоре после бабушки умер хомячок Фомка. Я сам выкапывал

маленькую могилку в нашем дворе, похоронил его и соорудил сособокий нелепый памятник из пластилина. Помню ещё, что часто навещал это скромное кладбище, и почти каждый раз захлёбывался слезами.
Как-то я услышал, что мама возмущённо выговаривает отцу:
— У нас ужасно странный и бессердечный ребёнок. Бабушка умерла, он не проронил ни слезинки, а теперь плачет каждый день о каком-то хомячке. Надо показать его психиатру.
А папа ей ответил:
— Разве ты не понимаешь, он потерял очень близкого друга. Какой психиатр?
Пол холодный, и я беспокоюсь, что моя незваная гостья простудится. Накрываю её мохнатым овечьим пледом. Что-то она перестала сопеть. Дышит ли? С неё станет... Наклоняюсь ниже и неожиданно для себя целую её в висок:
— Спокойной ночи, мой утёнок.
И тут она всего на одну секунду открывает глаза:
— Вот ты где, оказывается. Нашла-таки. В ту нелепую ночь, уже под утро я увидел себя снова маленьким, закрывающим трёхлитровую банку газетой. А рядом стоит моя бабушка, заговорщически подмигивает и украдкой показывает на хомяка, который кончиком влажного носа осторожно высовывается из кармана её цветастого фартука.

Была ли физика вашим любимым предметом?

Алексей Васильевич КОРОЛЁВ, выпускник ЛЭТИ 1977 года, куратор ЛИТО университета:
— В школе по физике нам давали интересные задачи, которые надо было учиться решать по разным олимпиадным сборникам. Мама мне их накупила в огромном количестве, и в старших классах я был очень увлечён этим предметом.
На вступительных в ЛЭТИ тогда «резали» в основном как раз на экзамене по физике. Мне же было легко его сдать... Дальше, на вечернем матмехе, был очень интересный курс физики, но короткий — всего год. В него всунули и теорию электромагнитного поля, и теорию относительности, и квантовую механику. Так что, к сожалению, по физике я так и остался полным профаном. Завидую тем, кто знает, как устроен этот мир.

